Всемирная история

Усеагульная гісторыя

World history

УДК 902.904

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СОГДА И БАКТРИИ (КУШАНШАХРА, ТОХАРИСТАНА) В АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Т. Ж. АННАЕВ[1)]***, Ж. Т. АННАЕВ***[2)]***, К. Д. АРЗИЕВ***[3)]***, М. Б. НОРМУМИНОВ***[4)]***, Ф. Н. ЭШКУРБОНОВ***[5)]

[1)]*Термезский государственный университет, ул. Баркамол авлод, 43, 190111, г. Термез, Узбекистан*
[2)]*Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, ул. Университетская, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекистан*
[3)]*Самаркандский институт археологии им. Яхья Гулямова, ул. Академика В. Абдуллаева, 3, 140151, г. Самарканд, Узбекистан*
[4)]*Термезский археологический музей, ул. ат-Термизий, 29а, 190100, г. Термез, Узбекистан*
[5)]*Независимый исследователь, г. Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. На основе археологических, письменных и нумизматических данных рассматриваются историко-культурные связи между двумя древними областями – Согдом и Бактрией в эпоху Античности (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) и раннего Средневековья (V–VII вв.). Согласно археологическим данным взаимодействие Южного Согда (современная территория Кашкадарьинской области Узбекистана) и Северо-Западной Бактрии (современная территория Сурхандарьинской области Узбекистана) становится более оживленным с середины 1-го тысячелетия до н. э. В это время формируются дороги между Северо-Западной Бактрией и Южным Согдом, которые вели через горный проход, расположенный в Байсунских горах, известный позднее в письменных источниках под названием «Железные ворота». Данные картографии археологических памятников середины 1-го тысячелетия до н. э. свидетельствуют о том, что именно по этим дорогам проходило завоевание среднеазиатского Междуречья греко-македонянами во главе с Александром Македонским. О связи между Согдом и Бактрией с I до VII–VIII вв. свидетельствуют керамические изделия (особенно изготовленные в подражание металлическим изделиям), монументальное искусство (настенная живопись с изображением чаганианских послов во дворце самаркандского правителя Вархумана), малые формы искусства (терракотовые фигуры будд), монеты кушанских и согдийских владений.

Образец цитирования:
Аннаев ТЖ, Аннаев ЖТ, Арзиев КД, Нормуминов МБ, Эшкурбонов ФН. Историко-культурные связи Согда и Бактрии (Кушаншахра, Тохаристана) в Античности и раннем Средневековье. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;3:30–39.
EDN: SVSJAJ

For citation:
Annaev TJ, Annaev JT, Arziev KD, Normuminov MB, Eshkurbonov FN. Historical and cultural relations of Sogd and Bactria (Kushanshahr, Tokharistan) in Antiquity and the Early Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;3:30–39. Russian.
EDN: SVSJAJ

Сведения об авторах см. на с. 39.

Information about the authors see p. 39.

Ключевые слова: Согд; Бактрия (Кушаншахр, Тохаристан); Чаганиан; проход «Железные ворота»; Старый Термез; Афрасиаб; дворец Вархумана.

Благодарность. Авторы настоящего исследования выражают благодарность руководителю группы узбекистанско-чешской археологической экспедиции К. Тошалиеву за предоставленное разрешение на упоминание нумизматических находок в научной публикации.

ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫЯ СУВЯЗІ СОГДА І БАКТРЫІ (КУШАНШАХРА, ТАХАРЫСТАНА) У АНТЫЧНАСЦІ І РАННІМ СЯРЭДНЕВЯКОЎІ

Т. Ж. АНАЕЎ [1*], ***Ж. Т. АНАЕЎ*** [2*], ***К. Д. АРЗІЕЎ*** [3*], ***М. Б. НОРМУМІНАЎ*** [4*], ***Ф. Н. ЭШКУРБОНАЎ*** [5*]

[1*] *Тэрмезскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Баркамол авлод, 43, 190111, г. Тэрмез, Узбекістан*
[2*] *Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, вул. Універсітэцкая, 4, 100174, г. Ташкент, Узбекістан*
[3*] *Самаркандскі інстытут археалогіі імя Ях'я Гулямава, вул. Акадэміка В. Абдулаева, 3, 140151, г. Самарканд, Узбекістан*
[4*] *Тэрмезскі археалагічны музей, вул. ат-Тэрмізій, 29а, 190100, г. Тэрмез, Узбекістан*
[5*] *Незалежны даследчык, г. Ташкент, Узбекістан*

Анатацыя. На падставе археалагічных, пісьмовых і нумізматычных даных разглядаюцца гісторыка-культурныя сувязі паміж дзвюма старажытнымі абласцямі – Согдам і Бактрыяй у эпохі Антычнасці (IV ст. да н. э. – IV ст. н. э.) і ранняга Сярэдневякоўя (V–VII стст.). Згодна з археалагічнымі данымі ўзаемадзеянне Паўднёвага Согда (сучасная тэрыторыя Кашкадар'інскай вобласці Узбекістана) і Паўночна-Заходняй Бактрыі (сучасная тэрыторыя Сурхандар'інскай вобласці Узбекістана) становіцца больш ажыўленым з сярэдзіны 1-га тысячагоддзя да н. э. У гэты час фарміруюцца дарогі паміж Паўночна-Заходняй Бактрыяй і Паўднёвым Согдам, якія вялі праз горны праход у Байсунскіх гарах, вядомы ў пазнейшых пісьмовых крыніцах пад назвай «Жалезныя вароты». Даныя картаграфіі археалагічных помнікаў сярэдзіны 1-га тысячагоддзя да н. э. сведчаць аб тым, што менавіта па гэтых дарогах праходзіла заваёва сярэднеазіяцкага Міжрэчча грэка-македонянамі на чале з Аляксандрам Македонскім. Аб сувязі паміж Согдам і Бактрыяй з I да VII–VIII стст. сведчаць керамічныя вырабы (асабліва тыя, што створаны як імітацыя металічных вырабаў), манументальнае мастацтва (насценны жывапіс з выявай чаганіянскіх паслоў у палацы самаркандскага правіцеля Вархумана), малыя формы мастацтва (тэракотавыя фігуркі буд), манеты кушанскіх і сагдыйскіх уладанняў.

Ключавыя словы: Согд; Бактрыя (Кушаншахр, Тахарыстан); Чаганіян; праход «Жалезныя вароты»; Стары Тэрмез; Афрасіяб; палац Вархумана.

Падзяка. Аўтары даследавання выражаюць падзяку кіраўніку групы ўзбекістанска-чэшскай археалагічнай экспедыцыі К. Ташаліеву за дазвол на згадку нумізматычных знаходак у навуковай публікацыі.

HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS OF SOGD AND BACTRIA (KUSHANSHAHR, TOKHARISTAN) IN ANTIQUITY AND THE EARLY MIDDLE AGES

T. J. ANNAEV [a], ***J. T. ANNAEV*** [b], ***K. D. ARZIEV*** [c], ***M. B. NORMUMINOV*** [d], ***F. N. ESHKURBONOV*** [e]

[a] *Termez State University, 43 Barkamol Avlod Street, Termez 190111, Uzbekistan*
[b] *National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, 4 Universitetskaya Street, Tashkent 100174, Uzbekistan*
[c] *Samarkand Institute of Archaeology named after Yahya Gulyamov, 3 Academika V. Abdullaeva Street, Samarkand 140151, Uzbekistan*
[d] *Termez Archaeological Museum, 29a At-Termizii Street, Termez 190100, Uzbekistan*
[e] *Independent researcher, Tashkent, Uzbekistan*

Corresponding author: J. T. Annaev (jaloliddinannaev@gmail.com)

Abstract. The article discusses the historical and cultural relations between two ancient regions which are Sogd and Bactria in Antiquity (4th century BC – 4th century AD) and the Early Middle Ages (5th–7th centuries), based on archaeological, written, and numismatic data. According to archaeological evidence, the interaction between Southern Sogd (the modern territory of the Kashkadarya Region of Uzbekistan) and Northwestern Bactria became more active from the middle of the 1st millennium BC.

In that time, roads were established connecting Northwestern Bactria (the modern territory of the Surkhandarya Region of Uzbekistan) with Southern Sogd and vice versa, passing through a mountain pass located in the Baysun Mountains, which later became known in written sources as the «Iron gates». According to cartographic data on archaeological sites from the middle of the 1st millennium BC, it was along these roads that the conquest of the Central Asian interfluve by the Greco-Macedonians under the leadership of Alexander the Great took place. From the 1st century and up to the Arab conquest (7th–8th centuries) of Sogd and Bactria, the cultural relations between these regions are reflected in types of pottery production, monumental art (wall paintings depicting Chaganian envoys in the palace of the Samarkand ruler Varkhuman), in examples of minor art forms – especially terracotta figurines of Buddhas, in coins of the Kushan and Sogdian domains, as well as in forms of pottery vessels, particularly those made in imitation of metalware.

Keywords: Sogd; Bactria (Kushanshahr, Tokharistan); Chaganian; pass «Iron gates»; Old Termez; Afrasiab; palace of Varkhuman.

Acknowledgements. The authors of this study express their gratitude to K. Toshaliev, the head of the Uzbek-Czech archaeological expedition group, for granting permission to mention the numismatic finds in the scientific publication.

Введение

Согд и Бактрия (в III в. – 383 г. Кушаншахр, позднее Тохаристан) [1, с. 207–230; 2, с. 7] представляют собой две самостоятельные историко-культурные области, сыгравшие важную роль в экономическом и культурном развитии соседних регионов и этносов. Мы не соглашаемся с мнением некоторых исследователей [3–6] о границе между Согдом и Бактрией и поддерживаем точку зрения Н. Д. Двуреченской, согласно которой границей между областями служили горные хребты Гиссар, Байсунтау и Кугитангтау, составляющие Южно-Гиссарскую горную систему [7]. Строительное дело, отдельные виды искусства и предметы материальной культуры, сфера денежного обращения, религия и религиозные представления, а также памятники письменности правобережья среднего течения Амударьи в большей степени соотносятся с древней культурной традицией левобережья Амударьи, чем с культурой Согда, включая его южные области. Комплекс эпиграфических материалов сурхандарьинского региона дает основание утверждать, что в данной части Бактрии, как и в других ее областях, уже в I в. (раньше, чем в Согде) зафиксировано использование бактрийского языка в письменной форме. Не следует забывать, что язык и письменность каждого этноса, в том числе бактрийского и согдийского, являются плодом его многовекового развития [8, с. 13].

Открытие ряда крепостей эллинистического времени в южных частях предгорья хребта Байсунтау, таких как Поенкурган (Туман-курган) [9, с. 36–37], Курганзол [10] и особенно Узундара [11; 12], позволяет по-новому рассмотреть вопрос о территориальном разграничении историко-культурных областей Согда и Бактрии [7].

Благодаря проведению интенсивных археологических исследований на территории Средней Азии, в том числе в ее древних областях, Согде и Бактрии, накоплен значительный археологический материал, свидетельствующий о связях двух соседних регионов в древности (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Эти связи нашли отражение в художественной культуре, градостроительстве и архитектуре, керамическом производстве, нумизматике и письменности, погребальных обрядах, что в той или иной степени было освещено в археологической литературе. В. М. Массон проанализировал взаимодействие традиций в городской культуре Согда и Бактрии (середина 1-го тысячелетия до н. э. – III в. н. э.), их близость и своеобразие, а также влияние градостроительной культуры кушанской Бактрии на Южный Согд [13, с. 59]. Б. А. Литвинский и В. С. Соловьёв сопоставили раннесредневековые города Согда и Бактрии (Кафыркала и Пенджикент) и выявили их общие и отличительные черты [14, с. 49–96; 15; 16, с. 95]. Т. Ж. Аннаев проанализировал товарно-денежные отношения в городах двух соседних стран [17, с. 75]. Б. Я. Ставиский и Т. К. Мкртычев охарактеризовали предметы буддийского искусства, обнаруженные на древних памятниках Согда, а также выявили их связь с соседней Бактрией [18, с. 103–105, 160–162; 19, с. 104–106, 223–225]. Монументальную настенную живопись Согда и Тохаристана изучали Б. И. Маршак и А. И. Косолапов [20, с. 23–31]. Тохаристано-согдийские отношения на основе нумизматических данных рассматриваются в исследованиях О. И. Смирновой [21, с. 3–92], Д. Довутова[1], Э. В. Ртвеладзе [22, с. 126–127; 23, с. 84] и Е. В. Зеймаль [24, с. 200]. Общность и взаимовлияние раннесредневековой культуры Тохаристана и Согда в массовом ремесленном производстве, в частности керамике, охарактеризовали М. Х. Исамиддинов и Р. Х. Сулейманов [25], В. С. Соловьёв [26, с. 72–73] и Т. Ж. Аннаев [27, с. 73].

Основываясь на исследованиях науса в округе Далварзинтепы, Э. В. Ртвеладзе считал, что зороастрийские наусы появились в Согде непосредственно под влиянием Бактрии [28]. Б. Я. Ставиский со-

[1] *Довутов Д.* Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента (V–VIII вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Л. : Ленингр. отд-ние Ин-та востоковедения АН СССР, 1982. С. 6.

поставлял схематические изображения воинов на астрагалах из Куюмазарского могильника (Бухарский Согд) с аналогичной находкой с городища Калаимир [29, с. 167, 224]. Отдельные предметы, в том числе украшения из египетского фаянса, обнаруженные в погребальных сооружениях, на древних городищах и памятниках других типов построек Согда и Северной Бактрии, рассматриваются Т. А. Шерковой [30, с. 62–91].

Методологическая основа исследования включает сравнительный анализ комплексов материальной и художественной культуры Согда и Бактрии в период от середины 1-го тысячелетия до н. э. до арабского завоевания (VII–VIII вв.). В качестве индикаторов материальной культуры сопоставляются данные градостроительства и архитектуры (планировочные решения, строительные приемы и конструктивные элементы), керамического производства, а также материалы, характеризующие погребальный обряд. В сфере художественной культуры анализируются терракотовая пластика и монументальная настенная живопись. Дополнительно рассматриваются типы поселений двух регионов (городские центры, укрепленные пункты, сельские поселения) и их функционально-планировочные характеристики. Результаты интерпретируются в рамках принципа историзма и подкрепляются данными нумизматики (согдийские анэпиграфные монеты, согдийские монеты с изображением лучника, кушано-сасанидские монеты и т. д.), эпиграфики (согдийская надпись в настенных росписях Афрасиаба) и письменных источников (памятник китайской литературы «Ши цзин»).

Основная часть

Существенное различие в культурном отношении между Согдом и Бактрией было ощутимо в эпоху позднего бронзового века. Однако в раннем железном веке в сфере материальной культуры, особенно в керамическом производстве, наблюдается все больше сходств, что объясняется включением территорий двух соседних областей сначала в состав Ахеменидской империи, а затем в состав эллинистических государств.

В 130-х гг. до н. э. происходит миграция кочевого народа юечжи из Семиречья в Ферганскую долину и Бактрию, а в 129–128 гг. до н. э. создается государство Да юечжи (Большие юечжи) [31, с. 156]. Общим моментом в истории государств Большие юечжи и Согд в конце II в. до н. э. – I в. н. э. является использование в государственном управлении титула «ябгу». Правящие дома Чжаову происходили от народа юечжи [32, с. 24]. По заключению Г. Фолька, юечжи с I в. до н. э. контролировали выход караванов из центра Бактрии за пределы области. Пять ябгу, а также их предки до создания Куджулой Кадфизом централизованного государства занимались торговлей и обеспечением безопасности купцов. Они охраняли центральный и южный маршрут через Памир – от начала Кунарской долины до ее низовий (до Читрала) – и путь от Гиндукуша на юг, а также путь вдоль Зеравшанского хребта на север [33, p. 44].

В степной периферии Бухарского оазиса погребальные сооружения, изученные О. В. Обельченко, в частности первая группа могильников, датируются второй половиной II в. до н. э. – I в. н. э. Важным сближающим элементом в погребальном обряде Бухарского Согда и синхронных комплексах Северной Бактрии является обычай класть монету в рот или в область груди погребенного. В частности, в кургане № 14 Кызылтепинского могильника была обнаружена монета Гелиокла, а в катакомбном кургане № 12 того же могильника была найдена серебряная монета, выполненная в подражание монетам царя Евтидема [34]. Обряд, связанный с помещением монет в рот, руку или на грудь покойного, фиксируется в могильниках Северной Бактрии конца II – I в. до н. э., оставленных этносом юечжи, которые окончательно положили конец существованию государства греков в Бактрии (Греко-Бактрийского царства). М. М. Дьяконов, впервые выявив этот обряд в могильнике Тупхона (Гиссарский оазис), связывал его с греческим влиянием [35, с. 161]. Исторические корни и своеобразие рассматриваемого обряда, получившего в археологической литературе название «Обол Харона», детально изложены в совместной работе Б. А. Литвинского и В. А. Седова [36, с. 150–161].

По мнению Э. В. Ртвеладзе, в Южном Согде с II–I вв. до н. э. до III в. н. э. чеканились монеты Артата с изображениями Геракла и Зевса, в Самаркандском Согде – серебряные монеты Аштама с изображением лучника, в Бухаре и на западе Центрального Согда в ходу были монеты Гиркода. Правители, чеканившие эти монеты, судя по отсутствию клейма (кангюйской тамги), принадлежали к дому Чжаову, т. е. к народу юечжи, и правили в Согде с II–I вв. до н. э. до VIII в. н. э. [37, с. 72].

К югу от хребта Байсунтау (в районе прохода «Железные ворота») найдены две согдийские монеты (из собрания узбекистанско-чешской археологической экспедиции), датируемые IV в. до н. э. – IV в. н. э. Одна из находок – серебряная монета неизвестного правителя. На ее лицевой стороне размещено схематическое изображение Геракла, на оборотной стороне – стоящая фигура Зевса[2]. Вторая монета также выполнена из серебра, она представляет собой экземпляр из серии раннесогдийских монет с изображением лучника[3]. Время выпуска и обращения этих монет до сих пор остается дискуссионным [24, с. 201–202].

[2]Термезский археологический музей. Ф. 2. КП 33567.

[3]Там же. Ф. 3. КП 33568.

О связях между Согдом и Бактрией (Кушаншахром) в эпоху Кушан (I в. – середина III в.) и кушано-сасанидский период свидетельствуют отдельные находки: терракотовые статуэтки с изображением Будды и другие буддийские статуэтки в Согде [18, с. 143–144], кушано-сасанидские монеты в городище Пайкенд.

Наличие на территории Самаркандского Согда раннесредневекового владения Хэ (Кушания) [32, с. 25] является своего рода свидетельством существовавших связей между государством Большие юечжи (позднее Кушанской империей) и Согдом.

В V–VII вв. связи между Бактрией (Тохаристаном) и Согдом становятся все более тесными. Эти связи и взаимовлияние культур нашли отражение в ремесле, архитектуре, письменности, сфере денежного обращения, а также на дипломатическом уровне.

В сфере денежного обращения в раннесредневековый период следует отметить, что самой ранней монетой, связанной с Согдом, является анэпиграфная монета (на одной ее стороне изображено лицо, на другой – знак). Одна из монет данной серии была обнаружена в кешке[4] цитадели Зартепа, построенной во второй половине V – первой половине VI в. [17, с. 45]. Вторая аналогичная монета была обнаружена в Дильберджине вместе с монетой Пероза. По мнению Д. Довутова, она представляет собой раннесогдийскую монету с изображением подгрудного портрета и У-образного знака[5]. О. И. Смирнова предположила, что их чеканили в Самарканде, и датировала монеты V?–VI вв. [21, с. 88–92].

В Северо-Западной Бактрии (Тохаристане) находились в обращении монеты согдийских правителей Тархуна, Гурека и Урка Вартармука, которые были обнаружены в Будраче, Исмаилтепе, Старом Термезе и Зартепе. В Зангтепе была обнаружена монета правителя Панча-Бильгя [22, с. 126]. Монета Урка Вартармука также была найдена на могильнике Биттепа [38, с. 202]. В археологических комплексах Южного Таджикистана, в частности в Аджина-Тепе, Кафыркале и Хишттепе, были выявлены согдийские монеты [23, с. 84]. В ходе раскопок поселения Имамтепа в 1958–1960 гг. также была обнаружена согдийская монета чеканки неизвестного правителя [17, с. 43], в Шурабкургане была найдена монета Шипшира, датируемая 642–655 гг. [16, с. 59]. Еще одна согдийская монета была обнаружена в погребении № 2 археологического памятника Каттатепа (бассейн среднего течения р. Сурхандарьи), позже превращенного в могильник. В области шеи покойного была найдена согдийская монета с квадратным отверстием (рис. 1) чеканки Тархуна (738–750) [39, с. 68].

Рис. 1. Бронзовая монета согдийского правителя Тархуна
Fig. 1. Bronze coin of the Sogdian ruler Tarkhun

По мнению Э. В. Ртвеладзе, эти монеты не играли существенной роли в денежном обращении Северо-Западной Бактрии (Тохаристана) и, вероятно, проникли сюда в результате торговых контактов [22, с. 126].

В Бактрии (Тохаристане), в том числе в ее северо-западной части, в V в. формируется своеобразное зодчество (возведение кешков и буддийских построек). Искусные приемы сводостроения нашли воплощение в строительстве кешка Куевкурган, датируемого второй половиной V – первой половиной VI в. [17, с. 45]. На наш взгляд, начало сводостроения в среднеазиатском Междуречье может быть отнесено к эпохе позднего бронзового века. В качестве рабочей гипотезы один из авторов настоящей статьи допускает, что обводные коридоры крепости Сапаллитепа могли быть перекрыты сводом, сооруженным способом наклонных отрезков. Поскольку соответствующие материалы пока не введены в научный оборот, данное предположение рассматривается как предварительное наблюдение, нуждающееся в дальнейшей аргументации.

В период правления Кушан и кушано-сасанидского наместничества в Бактрии (Кушаншахре) приемы сводостроения развивались и совершенствовались, ярким примером чему служит буддийский монастырь Фаязтепа, построенный в первой половине I в. [40]. В кушано-сасанидский период в Бактрии (Кушаншахре) строителями были освоены приемы возведения купольных зданий. В качестве ранних примеров зданий с купольным перекрытием можно привести постройки Дильберджина [41] и буддийское святилище, расположенное внутри крепости Чингизтепа городища Старого Термеза [42, p. 46].

[4]В историко-археологической литературе аналогичные сооружения обычно называются замками или постройками замкового типа. Как правило, сооружения этой категории являются двухэтажными, имеют центральный парадный зал, часто украшенный настенной живописью, скульптурой или деревянным декором. В письменных источниках, например в труде «История Бухары», постройки подобного типа называются кешками. Эти сооружения служили резиденциями крупной земледельческой аристократии (дехкан). В укрепленной двухэтажной части жили члены семьи дехкана – землевладельца, а вокруг внутри единой ограды располагались жилища его слуг и личной гвардии (чагиров). Мы склонны обозначать данный тип сооружений в отличие от западноевропейских построек термином «кешк».

[5]*Довутов Д.* Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента (V–VIII вв.)… С. 6.

В V в. в монастырской части буддийского культового центра Каратепа на поверхности ранее существовавшего сооружения, т. е. первого монастыря, было возведено монументальное двухэтажное здание. Оно имеет почти правильную квадратную форму (протяженность стен с востока на запад равна 42 м, с севера на юг – 44 м, размер внутреннего двора составляет 21 × 21 м). По периметру двора располагаются широкие сводчатые коридоры. Вдоль коридоров находятся ряды купольных помещений с индивидуальными входами [43, p. 269–272].

Таким образом, истоки возведения купольных зданий восходят к практике строительства буддийских ступ и чартагов (чахартаков). Большое количество ступ найдены в буддийском культовом центре Каратепа и в буддийском монастыре Фаязтепа, а чартаг в виде отдельно стоящего купольного здания выявлен в окрестностях Старого Термеза [44].

В научных публикациях отсутствуют свидетельства о выявлении в древний период (конец IV в. до н. э. – III в. н. э.) в городских центрах Согда (Афрасиабе [45–48], Еркургане [25; 49] и поселении Кызылкыр [50, с. 60–78]) зданий со сводчатым перекрытием. Г. А. Пугаченкова и Э. В. Ртвеладзе связывали происхождение согдийских наусов с бактрийскими наземными погребальными сооружениями [51, с. 144], при возведении которых использовались приемы сводостроения. Сооружение науса, расположенного в загородной зоне Дальварзинтепа, относится к последней четверти II в. до н. э. [28].

В 437 г. Согд подчинялся хионитам, а в период между 467–470 и 480 гг. – эфталитам [52, с. 197, 200]. Их восхождение на историческую арену связано с Восточным Тохаристаном [53]. После включения Согда в состав Эфталитского государства его связи с Тохаристаном усиливаются.

Особого внимания заслуживает обнаруженная в Дильберджине монета с неизвестным портретом на лицевой стороне и У-образным знаком на оборотной стороне, бывшая в обращении наряду с серебряной монетой Пероза. Не исключено, что представители династии, правившей в Самарканде, участвовали в ирано-эфталитских войнах, достигших своего апогея в период правления шаханшаха Сасанидского Ирана Пероза (457–484), на стороне эфталитов.

Ряд образцов керамики раннесредневекового Тохаристана имеют непосредственные аналогии среди согдийской керамической продукции (прежде всего лепные курильницы цилиндрической формы с полусферической чашей в верхней части (Фаязтепа, Хосияттепа, Еркурган), лепные миски с отогнутым наружу бортиком, изготовленные вручную в специальных формах (Хосияттепа, Еркурган), чаши и кружки с рельефным бортиком (Хосияттепа, Пенджикент), выполненные в подражание металлическим изделиям [17, табл. 17а, 17б, 18]). Особым знаком (У-образной тамгой) украшен корпус одноручного кувшина из кешка Аултепа (Нахшаб-Каршинский оазис), датированного V–VI вв. [54, рис. 32.1, с. 123].

В искусстве Согда VII в. н. э. достаточно популярными являются изображения слонов. В живописи Варахши и в образцах малой терракотовой пластики Пенджикента божества, представленные сидящими на слоне либо на троне со слонами, Б. И. Маршак предположительно связывал с образом Адбага – согдийского верховного божества, иконографически сближаемого с Индрой в индийской религиозной традиции [55]. В свою очередь, терракотовые фигурки слонов с всадником и чаш представлены в археологических комплексах кушано-сасанидского периода, в частности на городище Зартепа [2, с. 227]. Судя по находкам из городища Талитагора, а также из кешков на цитадели Зартепа и городище Кучуктепа, традиция изготовления терракотовых фигурок слонов в Северной Бактрии (Тохаристане) существовала и в V–VI вв. [56, с. 49].

Образы, связанные с буддизмом и древнеиндийской мифологией, первоначально распространялись с юга, вероятно из города Бактр и прилегающих к нему территорий, на правобережье Амударьи, а затем через определенное время по кратчайшему торговому пути проникали через горный проход «Железные ворота», расположенный в Байсунских горах, на земли Согда. К числу таких мифологических образов относится терракотовая фигурка божества Ганеши, имеющего тело человека и голову слона, которая была выявлена в ходе маршрутного исследования городища Ялангтуштепа. Стратиграфия памятника, способ изготовления терракоты (ручная лепка, яркокрасное ангобное покрытие) позволяют предварительно датировать эту фигурку I в. до н. э. (рис. 2).

Важнейшим свидетельством тохаристано-согдийских связей в доисламский период является прием чаганианских послов согдийским царем Вархуманом (рис. 3).

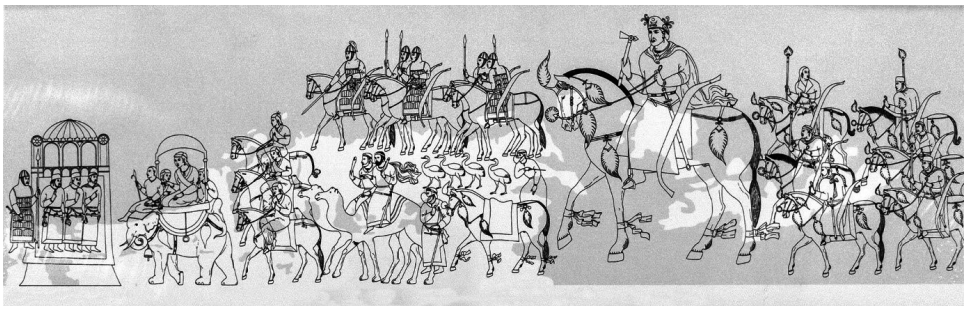

Рис. 2. Терракотовая фигурка Ганеши
Fig. 2. Terracotta figurine of Ganesha

а/a

б/b

в/c

г/d

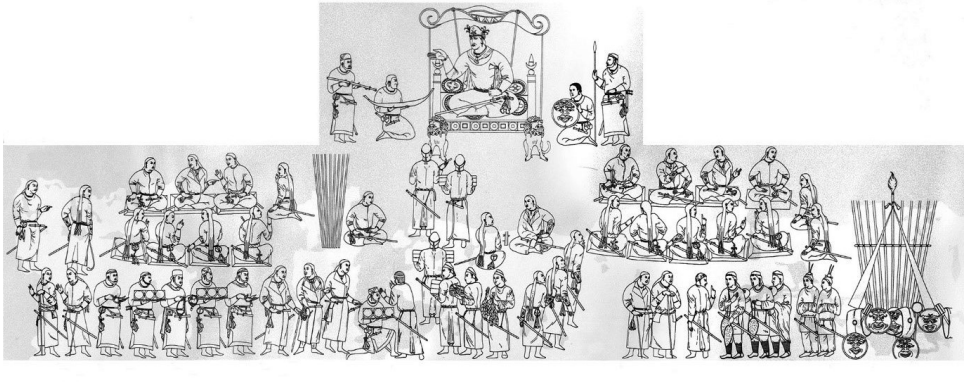

Рис. 3. Сцена приема послов во дворце согдийского правителя Вархумана. Настенная живопись. Западные и южные стены. Городище Афрасиаб (*а*, *в*). Реконструкция Ф. Ори, А. Барбет, Л. Альбаума и М. Реутовой (*б*, *г*)

Fig. 3. Audience scene of foreign envoys at the court of the Sogdian ruler Varkhuman. Wall painting. Western and southern walls. Afrasiab (*a*, *c*). Reconstruction by F. Ory, A. Barbet, L. Albaum, and M. Reutova (*b*, *d*)

Согласно надписи, прочитанной В. А. Лившицем, глава делегации произнес следующее обращение: «Вовсе не имей подозрений относительно меня – о самаркандских богах, а также о письменности я хорошо осведомлен, и я не причиню никакого зла (самаркандскому) царю» [57, с. 55–56; 58, с. 186–187].

Историко-культурные и торгово-экономические связи между Согдом и Бактрией (Тохаристаном) продолжили активно развиваться через горный проход «Железные ворота» и в эпоху становления и расцвета исламской цивилизации в среднеазиатском Междуречье.

Заключение

Проведенный анализ археологических, нумизматических и письменных источников позволяет выявить устойчивый характер историко-культурных связей между Согдом и Бактрией, формировавшихся на протяжении длительного времени (от позднего бронзового века до раннего Средневековья). Если в более ранние периоды между регионами наблюдаются существенные культурные различия, то начиная с железного века (особенно в эллинистическую эпоху) эти различия постепенно сглаживаются, чему способствует включение территорий в состав крупных империй.

Особое значение в рассматриваемом контексте имеют события, повлекшие миграцию и становление власти народа юечжи, под влиянием которой две области оказались тесно связаны в торгово-экономической и административной сферах. Археологические материалы – погребения, нумизматические находки, памятники малой терракотовой пластики и архитектурные элементы – позволяют проследить сближение форм, символов и художественных традиций рассматриваемых областей.

Буддийские мотивы, проникшие из Бактрии в Согд, и заимствования в архитектуре и ремесле свидетельствуют о сложном и многогранном процессе культурной интеграции. В совокупности полученные данные позволяют утверждать, что Согд и Бактрия представляли собой не изолированные, а активно взаимодействующие и взаимовлияющие регионы в системе трансрегиональных связей Центральной Азии периода Античности (IV в. до н. э. – IV в. н. э.) и эпохи раннего Средневековья (V–VII вв.).

Библиографические ссылки

1. Луконин ВГ. *Древний и раннесредневековый Иран: очерки истории культуры*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1987. 296 с.

2. Завьялов ВА. *Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2008. 296 с.

3. Рапэн К. Антимах I Теос и эра «Явана» по греко-бактрийским пергаментам Асангорна и Амфиполиса. В: Франкфор АП, редактор. *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том 2.* Самарканд: Международный институт Центральноазиатских исследований; 2014. с. 18–40.

4. Rapin C. On the way to Roxane: the route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328–327 BC). In: Hansen S, Lindström G, Tellenbach M, Wieczorek A, editors. *Zwischen Ost und West: neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Archäologie in Iran und Turan. Bund 14.* Darmstadt: Philipp von Zabern; 2013. p. 43–82.

5. Рапэн К. Поход Александра Македонского от Бактр до Мараканд. Зариасп: границы Согдианы в исторической географии. *История и археология Турана*. 2020;5:256–287.

6. Грене Ф. Новые данные к локализации пяти «ябгу» юечжей. Политический фон маршрута купцов Мая Тициана. В: Франкфор АП, редактор. *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том 2.* Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований; 2014. с. 57–70.

7. Двуреченская НД. К вопросу о северной границе Бактрии. В: Балахванцев АС, Маккавеев НА, редакторы. *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского; 16–18 апреля 2018 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт востоковедения Российской академии наук; 2019. с. 99–114.

8. Аннаев Т, Аннаев Ж, Арзиев К, Рахмадуллаев А. Некоторые вопросы археологии Северо-Западной Бактрии в последней четверти II и в I вв. до н. э. *Археология Узбекистана*. 2021;2:8–20 (на узб.).

9. Аннаев Т, Тиловов Б, Худойбердиев Ш. *Археологические памятники Бойсуна*. Ташкент: Издательство народного наследия имени Абдуллы Кадыри; 1999. 40 с. (на узб.).

10. Сверчков ЛМ. *Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана*. Ташкент: SMI-Asia; 2013. 182 с.

11. Двуреченская НД, редактор. *Бактрия. Том 1, Материалы археологических исследований эллинистической крепости Узундара в 2021 году.* Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2023. 250 с.

12. Двуреченская НД, редактор. *Бактрия. Том 2, Материалы археологических исследований эллинистической крепости Узундара и «Великой Бактрийской стены» в 2022 году. Новые данные по восточному эллинизму.* Москва: Институт археологии Российской академии наук; 2024. 204 с.

13. Массон ВМ. Взаимодействие традиций в городской культуре Бактрии и Согда. В: Пугаченкова ГА, редактор. *Городская среда и культура Бактрии – Тохаристана и Согда IV в. до н. э. – VIII в. н. э. Тезисы докладов советско-французского симпозиума; 25–30 августа 1986 г.; Самарканд, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 1986. с. 59–61.

14. Литвинский БА, Соловьёв ВС. *Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине)*. Москва: Наука; 1985. 264 с.

15. Соловьёв ВС. Раннесредневековый город Тохаристана по материалам раскопок Кафыркалы. *Российская археология*. 1999;2:172–181.

16. Соловьёв ВС. *Кафыркала и Шуробкурган*. Елец: Издательство Елецкого государственного педагогического института; 2011. 103 с.

17. Аннаев ТД. *Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана*. Ташкент: Фан; 1988. 82 с.

18. Ставиский БЯ. *Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии)*. Москва: Восточная литература; 1998. 216 с.

19. Мкртычев ТК. *Буддийское искусство Средней Азии*. Москва: Академкнига; 2002. 286 с.

20. Косолапов АИ, Маршак БИ. *Стенная живопись Средней и Центральной Азии (историко-художественное и лабораторное исследование)*. Санкт-Петербург: Формика; 1999. 80 с.

21. Смирнова ОИ. *Сводный каталог согдийских монет. Бронза*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1981. 548 с.

22. Ртвеладзе ЭВ. Денежное обращение в Северо-Западном Тохаристане в раннем Средневековье. В: Пугаченкова ГА, редактор. *Городская культура Бактрии – Тохаристана и Согда: Античность, раннее Средневековье. Материалы советско-французского симпозиума; 25–30 августа 1985 г.; Самарканд, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 1987. с. 120–130.

23. Ртвеладзе ЭВ. Согдийские монеты в Северном Тохаристане. В: Буряков ЮФ, Филанович МИ, Исамиддинов МХ, Абдуллаев К, редакторы. *Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума; 25–30 сентября 1990 г.; Самарканд, Узбекистан*. Ташкент: Фан; 1990. с. 83–84.

24. Зеймаль ЕВ. Монеты раннесредневековой Средней Азии. В: Брыкина ГА, редактор. *Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху Средневековья. Средняя Азия в раннем Средневековье*. Москва: Наука; 1999. с. 192–207.

25. Исамиддинов МХ, Сулейманов РХ. *Еркурган*. Ташкент: Фан; 1984. 160 с.

26. Соловьёв ВС. *Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана*. Елец: Издательство Елецкого государственного педагогического института; 1996. 82 с.

27. Аннаев Т. Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана. *История материальной культуры Узбекистана*. 1987;21:72–76.

28. Ртвеладзе ЭВ. Дальверзинский наус. В: Ремпель ЛИ, редактор. *Дальверзинтепе: кушанский город на юге Узбекистана*. Ташкент: Фан; 1978. с. 97–115.

29. Ставиский БЯ. *Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры*. Москва: Наука; 1977. 296 с.

30. Шеркова ТА. *Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты)*. Москва: Наука; 1991. 192 с.

31. Ходжаев А. *Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников)*. Ташкент: Тафаккур; 2010. 220 с.

32. Смирнова ОИ. *Очерки из истории Согда*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1970. 288 с.

33. Falk H. The five Yabghus of the Yuezhi. *Bulletin of the Asia Institute*. 2014;28:1–44.

34. Обельченко ОВ. Курганные могильники эпохи Кушан в Бухарском оазисе. В: Гафуров БГ, Бонгард-Левин ГМ, Грантовский ЭА, Мирошников ЛИ, Ставиский БЯ, редакторы. *Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху; 27 сентября – 6 октября 1968 г.; Душанбе, Таджикистан. Том 1.* Москва: Главная редакция восточной литературы; 1974. с. 202–210.

35. Дьяконов ММ. Работы Кафирниганского отряда. *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1950;15:147–189.

36. Литвинский БА, Седов ВА. *Культы и ритуалы кушанской Бактрии*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1984. 240 с.

37. Ртвеладзе ЭВ. *Кушанское царство: династии, государство, народ, язык, письменность, религии*. Ташкент: Историческая библиотека; 2019. 130 с.

38. Ртвеладзе ЭВ. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане. *Советская археология*. 1986;4:194–209.

39. Арзиев КД, Турсунов ОЮ. Раскопки на памятнике Холниезтепа в 2023 году. *Археологические исследования в Узбекистане*. 2024;16:66–72.

40. Аннаев Д, Аннаев Т. Архитектурно-планировочная структура и датировка буддийского монастыря Фаязтепа. В: Абдуллаев К, редактор. *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара*. Ташкент: Noshirlik yog'dusi Press; 2010. с. 53–66.

41. Кругликова ИТ, Пугаченкова ГА. *Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). Часть 2*. Москва: Наука; 1977. 136 с.

42. Leriche P, Pidaev Ch. *Termez sur Oxus: cité-capitale d'Asie centrale*. Paris: Institut français d'études sur l'Asie centrale; 2008. 163 p.

43. Pidaev Sh, Annaev T, Fussman G. *Monuments bouddhiques de Termez*. Paris: Collège de France; 2011. 280 p.

44. Альбаум ЛИ, Агзамходжаев ТА. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом. *Общественные науки в Узбекистане*. 1968;8:56–58.

45. Гулямов ЯГ, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 1.* Ташкент: Фан; 1969. 331 с.

46. Гулямов ЯГ, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 2.* Ташкент: Фан; 1973. 235 с.

47. Гулямов ЯГ, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 3.* Ташкент: Фан; 1974. 244 с.

48. Ташходжаев ШС, редактор. *Афрасиаб. Выпуск 4.* Ташкент: Фан; 1975. 163 с.

49. Сулейманов РХ. *Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. – VII в. н. э.* Ташкент: Фан; 2000. 342 с.

50. Нильсен ВА. Кызыл-кыр (результаты раскопок 1955 г.). *История материальной культуры Узбекистана*. 1959;1:60–79.

51. Пугаченкова ГА, Ртвеладзе ЭВ. *Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и Средневековье)*. Ташкент: Фан; 1990. 220 с.

52. Гафуров БГ. *Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история*. Москва: Наука; 1972. 664 с.

53. Маршак БИ. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. В: Ольдерогге ДА, редактор. *Страны и народы Востока. Выпуск 10, Средняя и Центральная Азия: география, этнография, история*. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1971. с. 58–66.

54. Кабанов СК. *Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища*. Ташкент: Фан; 1981. 128 с.
55. Маршак БИ. Индийский компонент в культовой иконографии Согда. В: Лесков АМ, Ставиский БЯ, Фёдоров ВВ, редакторы. *Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и Средневековье*. Москва [б. и.]; 1981. с. 107–109.
56. Абдуллаев К, Аннаев Т. Изображение слона в искусстве античной Бактрии. *Природа*. 1986;5:46–49.
57. Альбаум ЛИ. *Живопись Афрасиаба*. Ташкент: Фан; 1975. 160 с.
58. Маршак БИ. Согд V–VIII вв.: идеология по памятникам искусства. *Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху Средневековья. Средняя Азия в раннем Средневековье*. Москва: Наука; 1999. с. 175–191.

Получена 16.06.2025 / исправлена 28.06.2026 / принята 02.07.2026.
Received 16.06.2025 / revised 28.06.2026 / accepted 02.07.2026.

Авторы:
Тухташ Жураевич Аннаев – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии исторического факультета.
Жалолиддин Тухташевич Аннаев – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и этнологии исторического факультета.
Комилжон Дониярович Арзиев – кандидат исторических наук; младший научный сотрудник отдела археологии эпохи ранних металлов и античного периода.
Мансурбек Бахтиярович Нормуминов – директор.
Фазлиддин Нуралиевич Эшкурбонов – независимый исследователь.

Authors:
Tukhtash J. Annaev, PhD (history); associate professor at the department of archaeology, faculty of history.
annaev_tuhtash@yahoo.com
https://orcid.org/0009-0007-8829-083X
Jaloliddin T. Annaev, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and ethnology, faculty of history.
jaloliddinannaev@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-9464-7459
Komiljon D. Arziev, PhD (history); junior researcher at the department of archaeology of the early metal ages and the classical period.
komiljanarziyev04@gmail.com
https://orcid.org/0009-0007-8602-5477
Mansurbek B. Normuminov, director.
n.mansurbek94@gmail.com
https://orcid.org/0009-0003-6140-8659
Fazliddin N. Eshkurbonov, independent researcher.
eshqurbonov91291@mail.ru
https://orcid.org/0009-0009-3400-1013